

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

Владимир Щиrowsкий — корреспондент Максимилиана Волошина

По возрасту Владимир Евгеньевич Щиrowsкий (1909—1941) принадлежал к поколению поэтов, начинавших свою творческую деятельность на рубеже 1920—1930-х годов, в условиях окончательного установления и укрепления нового общественного строя. Однако ничего общего, кроме возраста, у него с подавляющим большинством представителей этого поколения не было; живя в советской стране, он ни в малой мере не мог называться советским поэтом. Другие, с большей или меньшей убежденностью, себя «мерили пятилеткой», у Щиrowsкого же вся окружающая его социальная действительность вызывала лишь всеобъемлющее чувство отвращения и презрения: «ледяное презрение к власти Советов», по позднейшей формулировке Т. Кибилова. Совершенно недвусмысленно его отношение к большевистской революции («Вот, проползая по земной коре, // Букашки дошлые опять запели // Интернационал»), к пореволюционному политическому режиму («Неистовая свистопляска // Холодных inferнальных лет») и насаждаемой им идеологии («убогая теодицея: // Безбожье, ленинизм, марксизм»)¹. Не приходится удивляться тому, что ни одно стихотворение Щиrowsкого не было при его жизни напечатано. Открытие этого поэта произошло лишь в «перестроечную» эпоху, в 1989 г., когда Евгений Евтушенко опубликовал в своей поэтической антологии «Русская муза XX века» четыре его стихотворения с краткой преамбулой, суммировавшей основные биографические сведения об их авторе². Ныне лирика Щиrowsкого осмысливается как одно из соединительных эволюционных звеньев между русской поэзией символистской и пост-символистской эпохи и «теми поэтами-“метафизиками”, которые объединились в пятидесятые годы вокруг А. А. Ахматовой», самым ярким представителем которых был И. Бродский³.

Щиrowsкий погиб в Крыму в ходе боевых действий летом 1941 г., там же, в Керчи, сгорел его архив, включавший рукописи стихотворений и переписку. Стихотворные тексты Щиrowsкого, вошедшие в тщательно подготовленный В. В. Емельяновым сборник «Танец души», лишь в единичных случаях основываются на рукописях самого автора, по большей части они известны по спискам, рукописным и машинописным, выполненным первой женой поэта Е. Н. Щиrowsкой и ее

сестрой А. Н. Доррер; нет твердой уверенности в их аутентичности, тем более и потому, что многие стихотворения зафиксированы в тетрадах, изготовленных в 1950-е гг., и некоторые из них записаны по памяти, с отмеченными пропусками строк и строф⁴. От людей, близко знавших Щиrowsкого, которым он мог передавать рукописи своих произведений, архивов также не осталось⁵. Щиrowsкого дважды ненадолго арестовывали — в 1931 и 1936 гг.; вполне вероятно, что при этом были изъяты его рукописи. При таком положении дел с творческим наследием поэта выявление его автографов приобретает особую значимость. Сохранились автографы Щиrowsкого, в частности, в архиве Максимилиана Волошина.

А. Н. Доррер сообщает в кратком биографическом очерке о Щиrowsком: «В 1928 году знакомится с будущей женой Екатериной Николаевной Рагозиной, и летом 1929 г. они вдвоем отправились в Коктебель к М. А. Волошину. У Вл. Евг. была к нему рекомендация от харьковских поэтов, и Волошин принял их очень гостеприимно (как обычно он принимал и многих других). Щиrowsкий читал свои стихи, был одобрен. Пробыли они десять дней, и на прощание М. А. подарил Владимиру свою небольшую акварель с коктебельским пейзажем, надписав ее: “На память Вл. Щиrowsкому, за детской внешностью которого я рассмотрел большого и грустного поэта”»⁶.

Приведенные сведения могут быть уточнены. В. П. Купченко предположительно датирует пребывание Щиrowsкого в доме Волошина 3-й неделей июля 1929 г.⁷ Поэт появился в Коктебеле с двумя сестрами Рагозиными — Екатериной и Лидией, приехавшими вместе с ним из Харькова. Щиrowsкого рекомендовала Волошину харьковская поэтесса Елизавета Андреевна Новская (1893—1959), автор стихотворных сборников «Звезда-земля» (Харьков, 1918) и «Ордалии» (Харьков, 1923); впервые встретившаяся с Волошиным в феврале 1925 г., но состоявшая в интенсивной переписке с ним еще с 1918 г., она входила в ближайший круг его друзей и почитателей, неоднократно гостила в Коктебеле. В Харькове Щиrowsкий общался еще с одной близкой приятельницей Волошина и его жены Марии Степановны — Лидией Владимировной Тимофеевой (в замужестве Трель; 1900—1990), «Дадой» по коктебельскому прозвищу, позднее в эмиграции опубликовавшей о Волошине мемуарный очерк⁸.

«Дорогие Марусенька и Макс! — обращалась Новская в недатированном письме. — Это письмо передает Вам юный поэт, Володя Щиrowsкий, о печальной судьбе которого я как-то рассказывала Вам и стихи которого Макс однажды читал (в Харькове)» и одобрил. Он отправляется в пешеходное

путешествие вдоль Черного моря — кажется, вместе с одной подругой своей (товарищем — в хорошем смысле этого), и начинают путь с Феодосии, конечно идя через Коктебель. И если у Вас найдется возможность где-нибудь <удь> на чердаке, на балконе, вообще где-нибудь <удь> дать им возможность 2—3 ночи переночевать, без всяких забот о них, — то я очень буду благодарна Вам и рада за них, т<ак> к<ак> несмотря на современный опыт и т. д. — это совсем не современные юные фантазеры и пессимисты. Знаю, что к Максиму он относится с благоговением, и думаю, что они будут тихи, как мыши. Этот Вова — сын убитого губернатора, кажется, Седлецк<ой> губ<ернии>, потом — одно время — беспризорный, теперь — гонимый студент Богословских <их> курсов, потом, кажется, Инстит<ута> Литературы, — отовсюду вычистили его; собирается вновь где-то держать экз<амены>. Хорошо, талантливо прямо, играет, — и не плохо, культурно, пишет стихи. Но в жизни — чужой и несливаемый с нею. Простите, дорогие, за эту просьбу: не могу отказать им в этом письме»⁹.

Аттестация, даваемая в этом письме Щиrowsкому, грешит неточностями. Отец поэта, родившегося летом 1909 г. в Москве и проведшего детские годы в усадьбе под Харьковом, был сенатором в отставке, умер своей смертью в первые пореволюционные годы. Студентом «богословских курсов» Щиrowsкий не состоял; впрочем, не исключено, что он был причастен к деятельности какого-то официально незарегистрированного кружка, интересовавшегося религиозными вопросами. Слова о том, что Щиrowsкого «отовсюду вычистили», соотносятся с сообщением А. Н. Доррер в биографическом очерке о нем, что в 1927 г. в Ленинграде его «вычистили за сокрытие соцпроисхождения» из Института с факультета языко-материальных культур, т. е. за умолчание в анкете о своем дворянстве. Примечательно в письме Новской упоминание о том, что Волошин уже ранее одобрительно отзывался о поэтических опытах Щиrowsкого (видимо, во время своего пребывания в Харькове в январе 1928 г.).

Для юного поэта, преклонявшегося перед тем миром интеллектуальных, духовных и эстетических ценностей, который был низвержен и унижен большевистской властью, атмосфера, царившая в волошинском доме, и личность его хозяина, безусловно, оказались внутренне чрезвычайно близки. Отрадными впечатлениями от пребывания в Коктебеле и чувством глубокой признательности за гостеприимство продиктовано первое письмо Щиrowsкого к Волошину:

«Многоуважаемый Максимилиан Александрович!

Не рассердитесь, пожалуйста, на эту розовую бумагу: никакой иной у меня нет под руками.

Наше путешествие окончилось неожиданно быстро. Одна из моих спутниц (может быть, Вы помните — Лида) повредила себе ногу в пути, и нам пришлось вернуться в Феодосию. Неделя, проведенная нами в Коктебеле, была так хороша, что сейчас, в Харькове, нам кажется, что мы читали о ней в книге. А Харьков удивительно скверен: к нему нельзя даже привыкнуть. Ощущением некоторого внутреннего самооправдания и бодрости я обязан Вам; я, после встречи с Вами, пользуюсь воспоминанием о Вас, как успокаивающим средством.

В конце августа я думаю уехать в Петербург. Ехать туда не хочется — сам не знаю, почему.

Против всех своих обыкновений, пишу стихи летом. Одно из них я позволил себе посвятить Вам — прилагаю его к этому письму.

Я буду безмерно рад, если когда-нибудь у Вас найдется время и будет желание написать мне несколько строк.

Из Петербурга я напишу Вам письмо.

Катя и Лида Рагозины просили меня передать Вам их поклоны. Они пленены Коктебелем и говорят, что любят даже дорожные мешки, побывавшие в Вашем доме.

Передайте, пожалуйста, мой поклон Марии Степановне. Я с большой благодарностью вспоминаю ее заботы о нас, и чайник, просьбами о котором мы ее, вероятно, терзали.

Передайте привет — если они меня помнят — Всеволоду Ивановичу, д-ру Саркизову, Парижской Тане (я почтительно храню чертей ее работы), Тамаре и М. А. Тарловскому, буде все они еще у Вас.

Преданный Вам

Владимир Щировский.
Харьков 9 августа 1929»¹⁰.

Авторизованная машинопись стихотворения, упомянутого в письме, хранится в архиве Волошина в особом альбоме, содержащем стихотворения, посвященные хозяину Дома поэта¹¹. Среди стихотворных текстов Щировского, составляющих собрание А. Н. Доррер и вошедших в сборник «Танец души», оно отсутствует. Тексту предпослан эпитафия из стихотворения З. Н. Гиппиус «14 декабря 17 года» (1917)¹².

М. А. Волошину

О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян.

З. Гиппиус.

Иль вправду чище петля Николая,
Чем пальцы серых обезьян? Была
Россия белая, теперь — былая,
А будет ли опять бела?

Вторично белая — от смерти, что ли?
Вторично чистая — скребли ножом.
Иль Бог придет — откуда-то, оттоле —
И белый остов будет обнажен?
О, мертвенькая, беленькая, разве
И после смерти явятся врачи —
Диагностировать похабство в язве
И лить сквозь грудь рентгеновы лучи?

Пока же мним: вот выдуман и создан
Наш новый мир; нас старый мир бесил.
Так Фаэтон к неразрешимым звездам
От власти ошалев, скакал без сил;
Так душу голого переполняют
В конце концов добытые штаны;
Так скотски сытные, нам снятся сны
В те дни, когда «младая кровь играет»...

О, пальцы злополучных обезьян!
Вот аристократический ребенок
Висит на веточке; а капитан
Лебядкин сетует, совсем не пьян,
А даже философски тих и тонок.

И в выпренной кромешности слились
С водицей душ — стигийские водицы.
И камни запрокидывают в высь
Свои неописуемые лица.

Кошунствую и говорю: явись —
Ты, чей костюм не плащ, а плащаница.

И открывается простой исход:
Пусть излучается забвенье всех
Дурных и радостных земных погод,
Сырых и гадостных людских потех.
И — сердце бедное — тебе ли жаль,
Что прёт бесследная небожья тварь,
Что вскоре рухну я, что кроет даль
Над вечной кухнею тоска и гарь?

Ведь впрель — как в прежнее, и вновь — как встарь.

И — страшно ль стать забвенником отпетым?
Пройду дождем, пройду костлявым летом,
Пройду — любя и плача свысока.
И с черствой долговечностью песка
Споется кратковременность куска
Несчастливого, мечтающего мяса.
И камешек — последняя украса —
Приютно ляжет над — уже не мной.
А ты — останься глупой и земной,
Как женщина, как Марфа, как хозяйка, —
Моя страна. Твори столбцы газет,
Играй в цепочки, гвоздики и гайки.
Пройдет сто лет. Пройдет еще сто лет...

Харьков. 7 августа 1929 г.
Владимир Щиrowsкий.

Мелькающий здесь персонаж из «Бесов» Достоевского возникнет вновь в стихотворении Щиrowsкого «На отлет лебедей» (1931): «...стада волосатых студентов // И потрясателей разных стропил, // Народофильских дивертисментов // И капитана Лебядкина пыл...»¹³.

Из приведенного выше свидетельства А. Н. Доррер следует, что Волошин подарил Щиrowsкому в Коктебеле одну из своих акварелей. Из второго письма Щиrowsкого к Волошину выясняется, что весной 1930 г. последний отослал ему акварель через Л. В. Тимофееву. Наверное, уже не удастся достоверно узнать, была ли это одна и та же акварель (и, соответственно, биограф Щиrowsкого допустила неточность) или Волошин в знак своей симпатии к молодому поэту отправил ему еще одну свою работу. Если (как можно судить по письму) акварель при пересылке затерялась и не дошла до адресата, то наиболее вероятен второй вариант. Выражая свою благодарность, Щиrowsкий попутно сообщает немало важного и интересного о своей жизни, о своих настроениях и общих воззрениях на окружающий его и глубоко ему чуждый мир:¹⁴

Харьков 29 июня 1930.

«Дорогой Максимилиан Александрович.

Сегодня от Л. В. Тимофеевой я узнал, что Вы послали мне свою акварель, которую она, кажется, послала в Петербург. Пишу “кажется”, т <ак> к <ак> до отъезда моего из Петербурга я акварели не получил, а, со слов Лидии Владимировны, она ее послала в последних числах мая. Уехал я из Петербурга

5-ого июня, так что даже при ошибке в адресе письмо мне было бы доставлено. Я чрезвычайно жалею о том, что не получил этой акварели.

Прошедшую осень, зиму и весну я провел в Петербурге. Мне много раз хотелось написать Вам, но почему-то я не решался, а потом, нанявшись черно-рабочим, не имел времени, т <ак> к <ак> сильно устал.

От Лидии Владимировны я с большой радостью узнал, что Ваша болезнь, о которой я имел в Петербурге весьма неопределенные известия, не слишком расстроила Ваше здоровье¹⁵.

В этом году, в марте, я женился на Кате Рагозиной; может быть, Вы ее помните: она и ее сестра Лида были со мной в Коктебеле.

В Петербурге я жил очень однообразно. В ноябре прошлого года я нанялся на постройку, весной поступил на военный завод, где и работал с глубочайшим омерзением, ибо я решительно не люблю работать. Да и необходимость все время состязаться с коллегами в хамстве меня очень тяготила.

Вообще, вступив в ежедневное общение с народом-богоносцем в лице крестьян, работающих на стройках, и заводских рабочих, я что-то усумнился в качествах этого народа. Народ-то, в сущности, дрянной. Не отдельные личности, а именно — народ. Или это так кажется? Я, конечно, не судья.

За 1929 г. я написал много стихотворений¹⁶. А в этом году, работая, писал очень мало. Большинству моих стихотворений присущ злобный и, может быть, несколько дидактический тон.

Неприятно то, что я совершенно не могу понять, не чувствую — удачно написанное или нет. И вообще — плохо или хорошо?

Поэтов (из молодых и знакомых мне лично), которые бы мне нравились, я не знаю. Поэтому новых литературных друзей у меня не завелось, а прежние расстраиваются.

Главным моей жены и моим развлечением является собирание дураков, но хороший дурак выводится, от усиленной работы, голода и очередей теряя способность к тому специально дурацкому экстазу, который мы в нем особенно ценили¹⁷.

Теперь я надолго осяду в Харькове. В будущем году мне предстоит военная служба, которую я намерен отбывать в Харькове, т <ак> к <ак> здесь живет семья моей жены. Быть может, в будущем году я смогу, если Вы разрешите, приехать в Коктебель. Признаюсь, я мечтаю попасть к Вам, как в рай. Очень плохо в России.

Примите мои и моей жены почтительные приветствия Вам и Марии Степановне.

Преданный Вам В. Щировский.

Мой адрес:

г. Харьков, Каплуновский переулок № 7, В. Е. Щировскому».

Планам поэта вновь попасть в Коктебель не суждено было сбыться: арест в 1931 г., затем — призыв в армию (служил до 1933 г. при Харьковском военкомате)¹⁸. А в августе 1932 г. Волошина не стало.

Примечания

- ¹ *Щировский В.* Танец души. Стихотворения и поэмы / Составление, послесловие и комментарии В. Емельянова. М., 2008. С. 13, 38, 68.
- ² См.: Огонек. 1989. № 36. С. 16.
- ³ *Сухих И. Н.* От стиха до пули // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 26 («Новая Библиотека поэта»).
- ⁴ См.: *Емельянов В.* Проблемы текстологии Владимира Щировского (по материалам ЦГАЛИ СПб) // Озерная текстология. Труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2007. С. 13–20.
- ⁵ Ближайшим другом Щировского в середине 1920-х гг. стал поэт Владимир Кемецкий (В. С. Свешников), с которым он обменивался стихами даже после того, как Кемецкий был арестован и заключен в Соловецком лагере (см.: *Доррер А.* Владимир Щировский (1909–1941). Биография // Щировский Владимир. Танец души. С. 148). Сохранился рукописный сборник Вл. Кемецкого «Каменные цветы» (1936), опубликованный Д. С. Лихачевым; входящей в него поэме «Память крови» (Архангельск, 1931) предпослан эпитафия из неизвестного нам стихотворения Щировского «Примечания»:

И издается над всеми
Несуществующее время,
И медленно ползет назад...

(*Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 493).

- ⁶ Щировский Владимир. Танец души. С. 149. В адресной книжке Волошина имеется запись: «*Щировский* Влад <имир> Евгеньев <ич>. Харьк <ов>. Мироносицкая 57, кв. 1. Ан. Петр. Шатилова. СПб. СП <етербург>ская сторона. Петрогр <адская> набережная 20, кв. 1» (Дом-музей М. А. Волошина, Коктебель).
- ⁷ *Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007. С. 433. Приводимые далее хронологические сведения восходят к этому документальному источнику.
- ⁸ См.: *Дадина Л. М.* Волошин в Коктебеле // Новый журнал. Кн. 39. Нью-Йорк, 1954. С. 176–193.
- ⁹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 895. Л. 88–88 об.
- ¹⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1327. В письме упоминаются гости, жившие в доме Волошина в июле 1927 г.: Всеволод Иванович Попов (1887–1936) — педагог, библиофил; Иван Михайлович Саркизов-Серазини (1887–1964) — врач-гигиенист, коллекционер, писатель, редактор путеводителя «Крым» (М.; Л., 1925); Татьяна Андреевна Парижская — жительница Феодосии; Тамара Сергеевна Салтыкова (1904–1976) — студентка Ленинградской консерватории, впоследствии пианистка, педагог; Марк Аркадьевич Гарловский (1902–1952) — поэт, журналист. В альбоме стихотворений, посвя-

щенных Волошину, хранится подборка из 14 стихотворений Тарловского, написанных в Коктебеле и Феодосии летом 1929 г. («Прощание с Коктебелем», «Коктебель», «Проза в Коктебеле», «Таиах», «Кратер» и др.) (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1483. Л. 112–123; см. также публикацию стихотворения «Прощание с Коктебелем» в кн.: Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия; М., 1997. С. 88).

¹¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1483. Л. 9–9 об. Подпись — автограф.

¹² См.: Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб., 1999. С. 222 («Новая Библиотека поэта»).

¹³ *Щировский В.* Танец души. С. 63.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1327.

¹⁵ 9 декабря 1929 г. Волошин перенес инсульт.

¹⁶ В собрании А. Н. Доррер 1929 г. датированы 15 стихотворений Щировского.

¹⁷ Возможно, это «развлечение» нашло свой отголосок в стихах Щировского: «...я опять готов // Бродить и ликовать средь бурных дураков, // Хотя бы потому, что и тебе они // В счатливые цвета размалевали дни» («Возьми меня к себе и чаем напои...», 1928), «Страсти румяных текстильщиц, эврика дурака» («Кинематограф», 1931) (*Щировский В.* Танец души. С. 18, 61).

¹⁸ См.: Там же. С. 150–151.